

2207
РУСТАМ ИБРАГИМ-БЕКОВ хорошо чувствует момент. Момент выхода человека к определенному решению и момент поступка. Момент общественного становления. Здесь во многом и от-

Повести. Издательство «Советский писатель»:

ЛЮДИ И РОЛИ

личительная черта его прозы в сравнении с прозой азербайджанских писателей того же поколения. Психологической углубленности Анара и пластической обстоятельности Максуда Ибрагимбекова, романтической тонкописи Эльчина и бытовой точности Акрама Айлисли в ней «соположены» именно интерес — драматургический — к моменту, который предстает перед нами как общественно значимая проблема.

Да, в известном смысле это интерес именно драматурга, стремящегося раздвинуть рамки театральности, пойти вглубь, выявить то многое, что сошлось в данном моменте.

Тут и драматургическая техника кстати. Р. Ибрагимбеков особенно любит диалог — спокойный или остроэмоциональный, что-то обнажающий до упора или что-то недоговаривающий. Да и в повествовательной манере писателя есть своего рода «ремарочная» лаконичность — быстрый, точный, подчас излишне сухой абрис положения. И снова — к диалогу, к словесному или телесному жесту, к сцене. Здесь, на пересечении слов и жизни, минута вспыхивает ярче.

«Структура момента» — так называется одна из повестей, вошедших в новую книгу Р. Ибрагимбекова. Заглавие, вполне соответствующее энтэрозскому духу эпохи, хотя, думаю, не обошлось здесь и без иронии.

Момент, мгновение — средоточие жизни, ее всплеск, полнота. И — структура? Не слишком ли самонадеянно?

Кстати, о структуре рассказывает герой, которому сухая рационалистичность ничуть не угрожает. Напротив, поведение его расходится даже с логикой здравого смысла: ни минуты на свою личную жизнь... Все кого-то навещает, кому-то помогает. Хороший человек. Или вот еще штрих: четырнадцать лет он предан женщине, которая предпочла другого. Куда уж дальше от здравомыслящего, все наперед знающего рационализма?

Однако ж «структура» выплыла не случайно. Мастер на московской фабрике валенок, герой в родном провинциальном городишке слышет большим ученым, лауреатом Государственной премии. Легендарная личность. Однажды соврав, чтобы не огорчать мать, он вынужден наворачивать горы лжи.

Вот вам «структура» момента, из которого рождается ампула, роль, как хотите. Герой все время вынужден кого-то изображать — то большого ученого, то новоявленного Меджнуна. В этих играх он и осмыслить свою жизнь толком не может. В результате — не жизнь, а не поймешь что: даже мать не похоронил по-человечески.

Писатель показывает, как сталкиваются, вытесняют друг друга живая жизнь и «структура». Ведь и ложь, и стремление «соответствовать» лишают жизнь органичности, выхолащивают ее. Герой силится сбросить опостылевшее бремя. И когда это наконец удается, обретенная легкость так ему сладостна, что даже проданного родного дома не жаль. Итоги весьма печальные...

Впрочем, есть в них и нечто утешительное: герой становится чуток ко всякой фальши, начинает различать, где живое и

где мертвое. Ложь, предрассудки, лицемерие делаются нестерпимы ему.

Проблема истинного и ложного волнует писателя в каждой из его повестей. Она — на пересечении современности и истории, исконного нацио-

нального быта и новых форм жизни, социальной и индивидуальной психологии. В повести «Месть», как и в «Структуре момента», эта проблема — одна из основных. Но автор здесь далек от ее однозначного решения.

Герой повести Алик поставлен перед необходимостью отомстить человеку, оскорбившему его сестру. Обидчик — лицо чиновное. Ему, как предполагают окружающие, наказание не грозит. Так что либо брат, либо муж должны ответить на оскорбление. Таков национальный обычай. И взгляды обращены к Алику. Именно от него ждут поступка. Алик это понимает. Раз правосудие склонно закрыть глаза на нанесенное его сестре оскорбление, значит, он сам должен вступить за честь женщины.

Герою вроде бы вновь навязывается определенная роль, теперь уже роль мстителя. Но здесь это уже не ложь, не варварский анахронизм, а стремление к справедливости, протест против безнаказанности.

Разумеется, поступок Алика для писателя не является решением проблемы. Но Р. Ибрагимбекову симпатична в герое, добродушном, даже застенчивом парне, решительность в сопротивлении злу. Решение же проблемы, по мысли писателя, в ином: в уверенности каждого человека в том, что зло не останется безнаказанным. И в этом случае самосуд становится не только ненужным, но и тем, что он есть по сути своей — явлением безнравственным, бесчеловечным.

Р. Ибрагимбеков высоко ценит способность человека на поступок, его свободную волю, доискивается до подлинного человеческого лица. Поэтому особенно важно, чтобы писатель сам не обрекал своих персонажей на соответствие расхожим беллетристическим образцам, чтобы не оставлял их схематичными или излишне расплывчатыми. В театре образ героя помогает углубить актер. В прозе все зависит только от автора.

Евг. ШКЛОВСКИЙ

Литературная газета
г. Москва

20 АПР 1983